

9 - ОКТ. 1941

от

Москва

Газета №

В дни обороны 346 Ленинграда

Война застала меня, как и многих других, за повседневной работой.

22 июня утром я узнал из речи товарища Молотова о нападении фашистов и в тот же день подал заявление об отправке меня добровольцем на фронт. Ответ был очень прост — когда понадобится, мы вас позовем. Отбор был очень серьезным; в армию принимались только по-настоящему полезные, обученные люди.

Я вернулся к своей обычной работе в консерватории. Мы слушали оканчивающих, ставили отметки, подписывали дипломы. Потом состоялся традиционный выпускной акт. В этом году консерваторию окончили много талантливых пианистов, скрипачей, певцов.

Тем временем консерватория начала готовиться к противовоздушной обороне, я вошел в состав пожарной команды.

Нас перевели на казарменное положение, и здесь я начал обдумывать 7-ю симфонию. Однажды ко мне зашел мой ученик, работающий в Театре народного ополчения — композитор Левитин. Он пришел предложить мне заведывать музыкальной частью Театра народного ополчения.

Я с радостью согласился. Об этом театре, о его артистах, режиссерах, художниках и авторах будет еще много написано. Там собрались талантливые ленинградские драматурги, поэты, писатели. Там создавались очень интересные художественные произведения, например, коротенькая оперетта на тему о том, как Риббентроп собрал известную конференцию дипломатов. Очень крепко получилась в театре драматическая сценка «Георгиевский кавалер». Приятно, что она была написана не банально, с настоящим драматическим напряжением.

Может быть самым слабым местом этого замечательного театра была возглавляемая мной «музыкальная часть». Я написал несколько песен, но встретил много неудобств при их исполнении: спрощенные духовым квартетом были слишком громким с чисто военной точки зрения, струнные оказались слишком «камерными» в прифронтовой полосе. Пришлось ограничить себя баянами.

Одна за другой уезжали в действующую армию бригады нашего театра и, возвращаясь, приносили с собой горячий воздух фронта.

Я дважды выезжал в прифронтовые части. Какое замечательное настроение у бойцов! Все они абсолютно уверены в исходе боев. Впрочем, все ленинградцы уверены в том, что немцам не быть в городе. Есть множество фактов, показывающих настроения так называемых обыкновенных людей. Ленинградцы ведут себя удивительно мужественно.

Я знаю целый ряд людей, которые у нас в консерватории казались совершенно незаметными. И вот такие простые, обыкновенные люди показали себя настоящими героями. Вот, например, Даян Шафран. В силу своей большой скромности он никогда не был в рядах консерваторского актива. Но в ополчении, в боях (а ему пришлось побывать и в очень трудной боевой обстановке) он проявил себя настоящим героем. Есть у меня ученик — Флейшман, только что закончивший свою первую одноактную оперу «Скрипка Ротшильда» на сюжет Чехова. В общегитиин это был тоже такой незаметный, порой грубоватый человек. И он в трудные минуты показал себя большим человеком, достойным сыном страны.

Вот об этих самых, так называемых, обыкновенных людях, людях, которых я люблю всей душой, перед которыми я преклоняюсь, потому что в каждом из них потенциально заложен герой, я и пишу симфонию.

Первая часть ее рассказывает о мирной жизни «обыкновенных» людей. Это не те обыватели, о которых писал Штраус в своей «Symphonia Domestica». Он говорил о мещанах, он обливал их ядом сарказма, он жалил их острием сатиры, он презирал их и издевался над ними. А я пишу о тех, кто вызывает во мне чувство глубокой нежности и восхищения.

Экспозиция первой части повествует о счастливой мирной жизни людей, уверенных в себе и в своем будущем. Это простая, мирная жизнь, какой до войны жили тысячи ленинградских ополченцев, весь город, вся наша страна.

В разработке в мирную жизнь этих людей врывается война. Я не стремлюсь к натуралистическому изображению войны, изображению ляга оружия, разрыва снарядов и т. д. Я стараюсь передать образ войны эмоционально. Собственно говоря, то, что я называю разработкой, является скорее эпизодом в первой части, так как написана она в форме, более всего приближающейся к рондо-сонате.

В репризе возвращаются те же темы, что были в экспозиции. Но здесь они носят совершенно другой характер. Реприза — траурный марш, или, вернее, реквием о жертвах войны. Простые люди чтят память своих героев. Как мне нужны были слова для этого эпизода! Но нигде я их не мог найти. Был момент, когда я сам собирался их писать. Впрочем, теперь я даже рад, что слов нет, потому что это очень осложнило бы партитуру. После реквиема идет еще более трагический эпизод. Я не знаю, как охарактеризовать эту музыку. Может быть в ней — слезы матери, или даже чувство, когда скорбь так велика, что слез уже не остается. Эти два лирические фрагмента приводят к заключению первой части, к апофеозу жизни, солнца. В самом конце опять возникает отдаленный грохот, напоминающий о том, что война продолжается.

Пока я писал музыку, Ленинград превратился в неприступную крепость. Формировались все новые и новые отряды народного ополчения. Все население овладевало военными знаниями. Казалось, что война вытеснила все чувства и заботы. Но при встрече с одним из своих друзей я узнал, что абоненты на филармонические концерты, несмотря на все события, вносили очередные взносы с аккуратностью мирного времени. И действительно, на концерты филармонии публика приходила в приподнятом настроении, она с горячей благодарностью встречала и провожала артистов. Я испытал на этих концертах совершенно особенное волнение. Я понял, что музыка, как и всякое другое искусство, составляет истинную потребность людей и что чем напряженней и ответственной момент, тем сильнее впечатление от искусства, тем больше оно необходимо.

Работа над симфонией продолжалась и шла в очень сжатые сроки. Я написал вторую и третью части. Вообще говоря, я не люблю торопиться. Но эту симфонию писал с каким-то непонятным для меня самым напряжением. Когда я ее окончил, — надо будет вернуться к началу. Нужна еще отшлифовка, детали. Однако когда я сочинял музыку, об этом как-то мало думалось.

Вторая и третья части симфонии не связаны какой-либо программой. Они предназначены, чтобы служить лирической разрядкой. Еще Шекспир учил, что нельзя держать зрителя в состоянии постоянного напряжения. В этом смысле меня всегда восхищала сцена с могильщиками в «Гамлете». Вторая часть симфонии — очень лирическое скерцо. Юмора в ней мало, но для меня лично она чем-то связана со скерцо из квинтета. Третья часть — патетическое адажио, драматический центр произведения.

Я постоянно с восхищением и гордостью наблюдал героических людей Ленинграда. Несмотря на частые воздушные тревоги, все работает точно и аккуратно. С невозможным спокойствием поддерживаются привычные формы жизни. Учреждения и заводы выполняют все задания. Театры живут творческой жизнью и дают публике ту бодрую и творческую зарядку, которая сейчас же отражается на военном и трудовом фронте. Все живет общим делом, стремятся к общей цели.

Жены и матери, не жалуясь, заботятся о своих сыновьях и мужах. Более того — они разделяют с ними их заботы по охране города, по ликвидации пожаров. Даже дети делают все, что могут, чтобы помочь обороне родного города. Когда видишь, как при звуках сирены, возмущающей воздушную тревогу, начинают один за другим наполняться чердаки и у слуховых окон появляются бойцы пожарных команд, а в подворотнях становятся на дежурство женщины и дети, — тогда понимаешь, как едина и монолитна воля трудящихся Ленинграда.

Мне остается дописать финал симфонии. Его замысел мне представляется почти законченным. Я характеризовал бы его одним словом — победа. В финале хочется сказать о прекрасной будущей жизни, когда враг будет разбит.

Седьмая симфония — первое программное произведение в моей композиторской практике и первая симфония, написанная мною в мажоре.

Я никогда в жизни не посвящал никому своих произведений. Но эту симфонию, если она удастся мне, я хочу посвящать Ленинграду. Потому что, все что я писал в ней, все, что в ней выразил, связано с этим родным моим городом, связано с историческими днями обороны его от фашистских наслыльников.

Д. ШОСТАКОВИЧ